

Ч

У

Д

А

К

ЧЕХОВСКИЙ

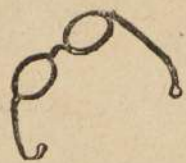
РЕГИСТРАТУРА

В. МАЛАХОВСКИЙ

СОРЕВНОВАНИЕ МЕЖДУ КЛАССИКАМИ

ЧЕХОВ: — Николай Васильевич, я, кажется, проиграю вам соревнование... Смотрите, сколько ваших персонажей живы до сих пор!.. Вон — переодетый городничий Сквозник-Дмухановский, вон — Держиморда в толстовке, вон Ляпкин-Тяпкин с вечным пером в кармане... ГОГОЛЬ: — Чет, Антон Павлович, скорее вы победите в нашем соревновании: вашим «человекам в футляре» тут и счета нет!

КАЛЕНДАРЬ ЧУДАКА

О НЕКОТОРЫХ ФОКУСАХ С ЧЕХОВЫМ

Уже во время войны, в четырнадцатом, кажется, году, в Петрограде отмечали годовщину смерти Чехова. Устроили торжественный вечер воспоминаний. Гвоздем программы было выступление Куприна.

Любимец публики приехал в конце двенадцатого часа, истомив ее, публику, ожиданием. Бурные было аплодисменты испуганно стихли, когда публика хорошо разглядела своего любимца и состояние, в котором его вытащили из ресторана. Любимец был сильно под мухой и оттого нечеловечески угрюм и зол. Перед большим, переполненным людьми залом он сначала молча окаменел; потом его вытошнило несколькими фразами. Это должно было служить характеристикой Чехова.

— Тихий был человек Антон Павлович... Тихий и прозрачный... словно ручей. Как сейчас помню... вот так, рядом со мной на скамейке сидит и тросточкой по песку чертит... Молчит и ч-ч-черт-тит... Эз-зумительные, непередаваемые минуты! Вот так — я, вот так — Антон Палыч, скамейка и... тросточкой, по песку. Невозможно забыть.

В публике ждали, что дальше. Но оратор забыл, где находится, и сделал попытку задремать, тяжело облокотившись на трибуну. Он смеялся в зале он встрепетулся и, метнув волчий взгляд, вернулся к тому же:

— Весь Чехов, и писатель, и человек, живет для меня в этом образе: парк, скамейка, легкий кашель, и он, Антон Палыч... забко кутался в пальто, чертит тросточкой по песочку...

Куприна ласково и поспешно увели под руки с эстрады: назревал скандал среди начинавшей накаляться публики. Он ушел со сцены, сначала тогдашней, петербургской, а потом и вообще, российской. Но Чехове оставил эту пьяно слезливую характеристику: кашель, осеннее пальто, тросточка, песочек.

Не один только Куприн так нахамил перед памятью Чехова. Многие подобно ему сморкались в чеховскую биографию. Но пример с Куприным — самый характерный.

Еще бы! Куприн — крепкий реалист, бытовик, мужественный продолжатель толстовского литературного метода. Биографически — офицер, армейский, знаток жизни, вышедший из самой гущи ее. Чехов — беспочвенный интеллигент, сторонний наблюдатель, туберкулезный философ. Куприну — шашка в руки, он будет на глаз, сплеча рубить образы, фигуры, сюжеты. Чехову — тросточку, чертить на песочке «Вишневый сад»... Не так ли?

Нет, не так!

Куприн, провинциальный чиновник в армейских погонах, получил свой боевой стаж на скрипучем полу проскуровских публичных домов, где полковые адъютанты показывали доблесть рубкой фикусов в цветочных горшках... В мировую войну талантливый беллетрист, хотя и снимался в военном мундире, но не был даже военным корреспондентом: он нюхал порох лишь в тихих кабинетах ленинградской военной цензуры, где служил в качестве старшего цензора...

Полковые дразги мирного времени, плюс пьянки с цирковыми актерами, плюс завоевательные походы по кабакам — вот весь жизненно-боевой и общественный стаж «крепкого реалиста» Куприна.

А «беспочвенный интеллигент» Чехов без всякого шума и лязга провел трудную и смелую молодость. Пока он был здоров, как Куприн, он много и интересно путешествовал, он добрался — тогда это было без железной дороги, и очень хлопотно и опасно — на Сахалин, а оттуда двинулся кругом света, обгibas Китай и Индию. И на Индийском океане, в бурную погоду, этот врач с чахоткой, который знал, что простужаться вредно, а быть проглоченным акулой — губительно для здоровья — он, привязывая себя за веревку, выпрыгивал за борт и плыл за пароходом долгими часами.

И в общественной жизни — разве поступок Чехова, снявшего с себя звание почетного академика после того, как этого звания лишилась власть лишила Горького, — разве такой поступок похож на пресмыкательство «левого» писателя Куприна в царской цензуре!

Все дело в одной черте Чехова, в его красной, внутренней торжественной, чудаковатой скромности.

Легко назваться скромным, труднее притвориться им. Совершенно невозможно выдержать такое свое притворство целую жизнь. Чехов и притворялся, у него это было настоящее, в крови. Но трудно было и ему — разнузданная шпана эпохи мстила за чеховскую скромность боковыми ударами и толчками.

За скромную строгость и простоту современники отомстили Чехову

Ему, точному, педантическому мастеру стили, присвоена была репутация сумеречного, зыбкого, «полутонного» художника. Это сделали критики.

Чехову подбросили его героев. Его, твердого, безжалостного материалиста, сделали родным братом растерянных интеллигентов, которых он изображал с презрением, как врач демонстрирует микробов. Это сделали публицисты.

Чехову приписали бездельность. Его, безупречного общественного деятеля, активно ненавидевшего и хлеставшего реакцию, грозно упрекали в отсутствии идеалов. Это сделали либеральные лицемеры.

Чехову сказали его пьесы. Сатирические комедии поставили и закрепили, как следивые драмы! Это сделали театральные режиссеры.

У Чехова украли его облик. Трезвому, умному, бодрому человеку присвоили вид урожденного меланхолика, безропотного и рассеянного страдальца, сунули ему в руки символическую санаторную тросточку. Это сделали друзья-воспоминатели вроде Куприна и художники вроде Браза. «На бразовском портрете выражение у меня такое, точно я накапуне напихался хреном» — так оценивает сам Чехов возню вокруг него добрых современничков.

Не стоит и устраивать юбилей Чехову, если оставлять его в нынешнем, обоганном и искаженном виде. Первый наш долг, до всяких юбилейных восхвалений, — это снять дурацкий наряд «чеховского интеллигента», в который разделили литературные заправилы довоенной России великого чудака своей эпохи.

Михаил Кольцов